

Эта пустая страница добавлена для облегчения просмотра в режиме Facing Pages (разворот), который дает наиболее полное представление о том, как выглядит печатная версия.

**Екатерина
Барышева
Ирина
Фоменко**

В отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранятся два небольших альбома в коричневых кожаных переплетах. Их страницы заполнены зарисовками, изображающими экзотические места планеты: Канарские и Маркизские острова, Бразилия, Япония, Сахалин... Техника – карандаш, перо, акварель. Рисунки, сделанные уверенной рукой профессионала, перемежаются короткими заметками на немецком языке. Это путевые альбомы Вильгельма-Готлиба Тилезиуса, участника первой российской кругосветной экспедиции.

Имя Тилезиуса вряд ли известно большинству читателей. Между тем, этот незаурядный ученый-натуралист и столь же незаурядный художник заслуживает того, чтобы рассказать о нем и напомнить о его значительном научном наследии.

Два альбома Тилезиуса фон Тиленау

Екатерина Александровна Барышева – старший научный сотрудник Научно-информационного центра по культуре и искусству Российской государственной библиотеки.

Ирина Юрьевна Фоменко – заведующая сектором научно-исследовательского отдела редких книг (Музея книги) Российской государственной библиотеки, кандидат филологических наук.

Вильгельм-Готлиб Тилезиус фон Тиленау родился в 1769 г. в Мюльгаузене. Он изучал философию и медицину в Лейпцигском университете, параллельно успешно занимаясь рисунком в школе крупного немецкого живописца и скульптора, директора Лейпцигской Академии художеств А.-Ф. Эзера. В начале 1795 г. Тилезиус совершил небольшое путешествие по Португалии и составил интересное описание этой страны, сопровождаемое собственными зарисовками. В 1797 г. он получил в Лейпциге степень доктора философии, а в 1801 г. — доктора медицины. Он зарекомендовал себя отличным специалистом по кожным, венерическим и глазным заболеваниям, опубликовал ряд работ по медицине. Осенью 1802 г. при посредничестве члена Государственного совета, министра коммерции графа Н.П. Румянцева через русского посланника в Дрездене В.В. Ханькова с Тилезиусом был заключен контракт на участие в первом российском кругосветном путешествии в качестве естествоиспытателя.

Напомним вкратце основные моменты знаменитой кругосветной экспедиции под руководством И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского. Снаряженные на средства Российско-американской компании суда «Надежда» и «Нева» вышли из Кронштадта 7 августа 1803 г. По высочайшему повелению на них был поднят военно-морской Андреевский флаг. Кораблям надлежало следовать по маршруту: Канарские острова (Санта-Крус на о. Тенерифе) — Бразилия (о. Св. Екатерины) и далее, минуя мыс Горн, — к Маркизским и Сандвичевым (Гавайским) островам, после стоянки у которых им предписывалось разделиться. «Нева» под командованием Лисянского должна

В число задач экспедиции входила также реализация обширной научной программы, разработкой которой занимались не только морские ведомства, но и Российская Академия наук. Желая «обогащить познания человеческие новыми наблюдениями и учеными открытиями», Академия обсудила и приняла инструкции «по части зоологии, ботаники и минералогии», подготовленные по ее поручению известными учеными — профессорами А.Ф. Севастьяновым, В.М. Севергиным и Т.А. Смеловским (ныне документы хранятся в Санкт-Петербургском отделении Архива Российской Академии наук). Фактически инструкции являются первыми отечествен-

Петропавловск-Камчатский в начале XIX в.

была взять курс на о. Кадьяк, где располагалась главная фактория Российско-американской компании, а «Надежде» под командованием Крузенштерна предстояло направиться к японским берегам, в гавань Нагасаки, и оставаться там до окончания дипломатической миссии Н.П. Резанова. Один из директоров-учредителей Российско-американской компании Н.П. Резанов направлялся в Японию как посланник для заключения торгового соглашения. После этого судну предстояло идти в Петропавловскую гавань на Камчатке, но по объективным причинам этот пункт инструкции был изменен, и «Надежда» сначала отправилась в Петропавловск, а затем уже в Японию.

ными программами комплексного научного изучения различных регионов Земли.

Одна из инструкций, позднее опубликованная в журнале «Северный вестник», была подготовлена В.М. Севергиным специально для Тилезиуса.

Значительное место в программе экспедиции отводилось сбору подробных сведений о народах, встреченных на пути мореплавателей, а также о населении отдаленных северо-восточных окраин Российской империи. Так, в адресованной Тилезиусу инструкции как раз и обращалось внимание на вопросы этнической истории. Натуралисту предстояло выяснить, «каким вероятным порядком оные

[земли] постепенно населяемы были»; «какие перемены претерпели племена людей ... и справедливо ли, что некоторые из них совсем вымерли». Кроме того, путешественникам предписывалось собирать «одежду, воинское оружие, украшения, домашние уборы; рабочие и музыкальные инструменты», изображать «торжественные народные обряды... и все что будет встречаться художественного».

Тщательность и размах, с которыми была разработана и осуществлена научная программа экспедиции И.Ф. Крузенштерна, были во многом обусловлены поддержкой члена Государственного совета, министра коммерции графа Н.П. Румянцева. Тогда же, в 1802 г., состоялось личное знакомство великого мореплавателя с великим коллекционером и меценатом. Крузенштерн стал главным консультантом и помощником министра в историко-географических вопросах. Их отношения на протяжении многих лет носили характер неподдельной доверительности, трогательной заботы друг о друге и далеко выходили за рамки принятых в начале XIX столетия норм любезности. Высоко оценивая заслуги «славного мореходца», Н.П. Румянцев старался всемерно способствовать его начинаниям. Обращаясь к И.Ф. Крузенштерну, он писал: «Станем служить всеобщему просвещению. Вы своими пространными познаниями, а я горячим усердием среди такой эпохи, в которой бесстыдно проповедают, что просвещение к благу народному не служит».

Успех как морской, так и научной частей экспедиции был предопределен тем, что эки-

Способ письма у японцев.

пажи кораблей были укомплектованы высокообразованными и хорошо подготовленными офицерами, многие из которых к этому времени прошли стажировку на Королевском военно-морском флоте Великобритании, успели отличиться в боевых сражениях и теперь мечтали занять достойное место в истории мореплавания.

Способствовать успешному решению научных задач предстояло и европейским ученым, включенным в состав экспедиции по настоянию Крузенштерна и при активном содействии Румянцева. Так, уроженец Цюриха астроном Иоганн-Каспар Горнер (1772–1834) осуществил «астрономическую часть снятия берегов», проявив при этом «чрезвычайную неутомимость».

Нельзя не упомянуть доктора медицины, выпускника Геттингенского университета Георга-Генриха (в России – Григория Ивановича) Лангсдорфа (1774–1852), взятого на борт «Надежды» только благодаря его собственной настойчивости. Бескорыстие учено-

Остров Нуку-Хива.

Естественнонаучная зарисовка.

го, готового отправиться в путешествие на свои средства, без жалования, его преданность науке подкупили руководителей экспедиции. Им не пришлось раскаиваться в принятом решении. «Достойный спутник наш Лангсдорф, страстью его к наукам, приводит нас в удивление, — писал Резанов, — он обнимает части совсем новые и полезные открития обещающие...»

Однако, если имя Лангсдорфа знакомо просвещенному читателю, то имя Тилезиуса, ученого, которому была отведена особая роль в осуществлении научной программы экспедиции, незаслуженно забыто. Между тем, по замыслу организаторов экспедиции, именно на его плечи должна была лечь большая часть естественнонаучных изысканий. И он с честью справился со своими обязанностями.

Его работоспособность, казалось, была беспредельной: изо дня в день во время длительных переходов он проводил исследования морской флоры и фауны, а во время стоянок его занятия зоологией, ботаникой, геологией и минералогией дополнялись изучением жизни и обычаев населения края. Он не расставался со своими путевыми альбомами, ибо, по его собственному замечанию, «о многих вещах нельзя получить столь ясного представления, как из рисунков».

Художественный дар Тилезиуса был замечен и оценен по достоинству уже в самом начале путешествия. Так, в Журнале Н.П. Резанова за 1 сентября 1803 года есть такая запись: «... привезли нам для стола рыбу, между которой одна, называемая кнурган, по латыни *Trigla Carnadus* (род летучей рыбы) заслуживает особое замечание. Прекрасный фиолетовый колер с зеленою оттенкою и разноцветными круглыми пятнами украшал сие животное... Г-н Тилезиус при сем случае показал нам в рисовании талант свой и изобразил рыбу сию красками так живо, что самый подлинник потерю в скором времени ярких цветов своих рисунку уступить был должен».

Натуралист старался как можно точнее изображать не только представителей животного мира, различные растения и минералы,

но и очертания побережий «со всеми изменениями видов как вдали так и вблизи», примечательные события, а также внешний вид, одежду, жилища, обычаи, домашнюю утварь тех народов, с которыми повстречались россияне во время своего путешествия.

Европейским художникам конца XVIII в., находившимся под влиянием модного тогда стиля барокко, а также представлений об идеале, соответствующих нормам античного искусства, весьма тяжело давались изображения островитян Южных морей. Художники — участники английских и французских кругосветных экспедиций, вдохновленные рассказами о «естественной простоте», «прекрасных островах» и «благородных дикарях», зачастую рисовали местных жителей на фоне идиллических пейзажей, одетыми в пышные одеяния и нередко даже наделяли их греческим профилем. Не избежавший подобных увлечений англичанин У. Ходжс, участник второго путешествия Дж. Кука, впослед-

Японская домашняя утварь.

Женщина с о. Нуку-Хива.

ствии писал, что художник-путешественник должен быть одарен «тремя великими способностями»: «совершенным знанием своего искусства и силами осуществлять свой замысел легко и верно, умением правильно выбирать объекты для изображения и, наконец, фантазией», которой, тем не менее, всегда следует находиться «под строгим руководством беспристрастного взгляда». И далее: «Все имеет свой особый образ, и надо несомненно уметь выделить эти природные черты; даже если художник будет обладать талантами Рафаэля, но при этом наделит китайцев красотой греческих героев, то каким бы совершенным ни казалось его творение, оно все равно не сможет притязать на истинное изображение данного народа».

Тилезиус, без сомнения, был счастливым обладателем «великих способностей». Крузенштерн, высоко ценивший его художественный дар, очень точно определил особое достоинство его рисунков — сочетание научного подхода, предполагающего тщательность и точность в передаче деталей, с необыкновенной художественной выразительностью: «Публика ... может по всей справедливости ожидать хорошего описания сих... предметов от того, который изобразил их не как обыкновенный рисовальщик, и в то же время описал их, смотря на самые подлинники». Подобная оценка капитана была вполне справедливой, в чем может убедиться каждый, рассматривая представленные здесь работы ученого.

Судьба работ Тилезиуса едва не сложилась трагически. «Чтобы обезопасить плоды

трудов наших, — вспоминал впоследствии Крузенштерн, — решился я отправить в Санкт-Петербург со штафетом все сочиненные нами карты при кратком донесении о наших открытиях. Тилезиус приготовил знатное собрание рисунков, относящихся к естественной истории, чтобы послать при сем случае в Академию. Сии драгоценные для нас вещи едва не подпали однако той участи, от коей предохранить оныя я старался. Я послал их на судне Г. Штейнгеля, который вышел из Авачинской губы 20 сентября, но не мог достигнуть назначенного ему места и принужден был возвратиться в Камчатку. По несчастному случаю судно его село на мель недалеко от Большерецка; однако спаслось». К счастью, через полгода материалы экспедиции, в том числе и два альбома с зарисовками Тилезиуса, с которых мы начали нашу статью, все же были доставлены в северную столицу сухим путем.

Практически сразу по завершении плавания началась научная обработка и подготовка к печати материалов экспедиции. Эта трудоемкая работа была в основном завершена только к 1812—1813 гг. Всеобъемлющий отчет о ходе и результатах вверенной ему экспедиции Крузенштерн представил в много-томном сочинении «Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5, и 1806 годах, по повелению

Жители Камчатки.

Его Императорского Величества Александра Первого, на кораблях «Надежде» и «Неве», под начальством Флота Капитан-Лейтенанта, ныне Капитана второго ранга, Крузенштерна, Государственного Адмиралтейского Департамента и Императорской Академии Наук члена».

В третьем томе «Путешествия...» были опубликованы труды некоторых участников плавания. В их числе была воспроизводимая ниже по этому источнику статья Тилезиуса «О музыке» с приложением гравированных листков с нотами «Песни людоеда (народной песни жителей острова Нукагива)»¹ и «Камчадальской медвежьей пляски».

Однако вышедший без иллюстраций много томник не мог претендовать на то, чтобы представить материалы экспедиции во всем их многообразии, поэтому одновременно с подготовкой отчета велась работа над «Атласом к Путешествию вокруг света капитана Крузенштерна». «Атлас», в полном соответствии с традициями XVIII в., содержал не только карты, но и виды посещенных мест, этнографические зарисовки и другие сопутствующие материалы.

«Виды берегов и изображения предметов, касающихся до натуральной истории, в Атласе все рисованы г-м Тилезиусом, — писал Крузенштерн. — Исторические виды также его работы, хотя г-н Тилезиус и не был в должности живописца». И еще: «Как бы ни была принята ученая, особливо географичес-

¹ Современное написание – Нуку-Хива. Это один из Маркизских островов, являющихся владением Франции. (Прим. ред.)

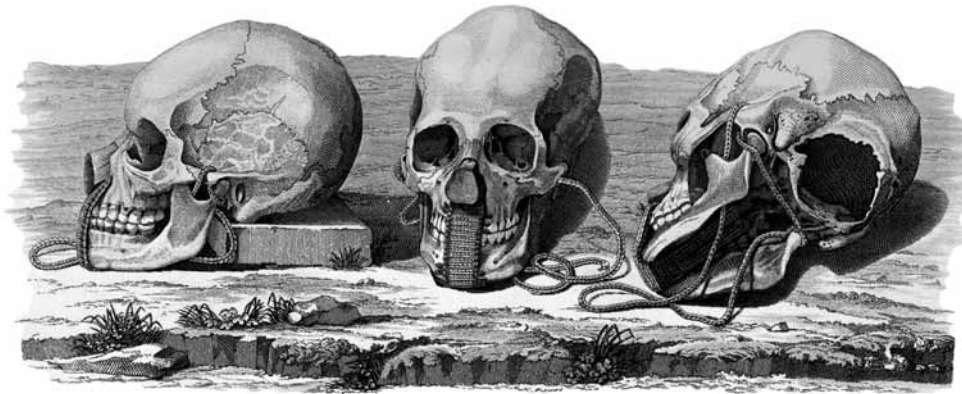
Айн, курящий трубку.

кая часть сего путешествия, но в художественном отношении всегда будет иметь свою цену богатым и любопытным Атласом, приложенным к оному, и которым я обязан единственно трудам г-на Тилезиуса».

«Атлас» и поныне не потерял своего научного и художественного значения, прежде всего благодаря рисункам, в которых натуралист запечатлел важнейшие этапы плавания.

Жители о. Нуку-Хива.

Изображение Нукагивских черепов

Особое место в этом ряду занимали зарисовки, сделанные на Маркизских островах. В то время самобытная культура островитян еще не была разрушена столкновением с европейской цивилизацией и предстала перед россиянами во всем своем своеобразии и первоизданной красоте. Российские мореплаватели, равно как и их предшественники, были изумлены внешним видом и великолепным телосложением туземцев. «Островитян великого Океана не видал я, кроме обитающих на островах Сандвичевых и Вашингтоновых; но не взирая на то, смею утверждать с достоверностью, что сих последних никакие другие стройностью тела не превосходят», — писал Крузенштерн. Другой участник экспедиции, капитан-лейтенант М.И. Ратманов, прославивший свое имя еще во время военных кампаний 1794 и 1798 гг., полушутя советовал «приставать» к Маркизским островам «сладостнолюбивым европейским ветреницам», которые явно не будут «раскаиваться» при встрече с «прекрасными» и «статными» «мущинами острова Нукагивы».

Обычно сдержанный в своих оценках Тилезиус также не удержался от восклицания: «Они во всем походили на детей, на попечение природы оставленных, которые живут по своей воле...»

Больше всего поразила путешественников татуировка, которой были сплошь покрыты тела островитян. «Первый взгляд на темножелтых, нагих, на всем теле исписанных людей, сделал на нас престранное, необыкновенное впечатление», — вспоминал Тилезиус.

Участники экспедиции не только первыми из европейских исследователей тщательно описали татуировку нукагивцев и способы ее нанесения, но и указали на ее связь с социальным положением человека, с достижением совершеннолетия и обрядом инициации, а Лангсдорф даже высказал интересные соображения о влиянии татуировки на потоотделение. По свидетельству Тилезиуса, многие

«низшие чины», да и некоторые офицеры не удержались от соблазна сделать на теле «сии занимательные узоры». Участвовавший в плавании граф Федор Иванович Толстой, впоследствии прозванный «Американцем», любил эпатировать светскую публику своим обнаженным татуированным торсом.

Большую помощь в сборе этнографических материалов россиянам оказали двое европейцев, давно проживавшие на острове и отлично знавшие язык и нравы его обитателей, — английский моряк Эдуард Робертсон и с ног до головы покрытый татуировкой «дикий француз» Жан (Жозеф) Кабри.

Можно только удивляться, как за краткое время стоянки у острова (всего 10 дней!) мореплавателям, даже при помощи «толмачей», удалось так много узнать об укладе жизни местного населения. Несомненную историко-этнографическую ценность представляет сделанная для «Атласа» по рисунку Тилезиуса гравюра «Вид моря» — святилища и одно-

Морай на о. Нуку-Хива (рисунок из альбома Тилезиуса и гравюра по этому рисунку).

временно места погребения умерших у туземцев. Ведь доступ посторонних к «мораям» был крайне затруднен, и лишь благодаря содействию Робертсона путешественникам — первым из европейцев — удалось посетить и даже зарисовать один из морав, находившийся недалеко от берега и служивший местом захоронения представителей жреческого сословия.

Конечно, многое из увиденного на Нуку-Хиве для россиян осталось непонятным, некоторые обычаи вызвали у них недоумение, а то и ужас, например, практиковавшиеся здесь человеческие жертвоприношения и каннибализм, частые военные столкновения между племенами (напоминанием о последних служит вошедшее в «Атлас» изображение черепов и голов убитых врагов, которые воины носили в качестве военных трофеев, подвешивая их к поясу, ногам или спине). Тем большее уважение вызывает стремление участников путешествия донести до современников правдивую и непредвзятую информацию о быте и нравах доселе неизвестного европейцам народа.

Не менее любопытны рисунки Тилезиуса, посвященные Японии, в то время стране малоизвестной не только России, но и Западной Европе и не имевшей в силу своих государственных законов никаких сношений с иностранцами.

Несмотря на неудачу дипломатической миссии Резанова и строгую изоляцию русского посольства, мореплаватели сделали ряд попыток получить собственное представление о Японии. Во время посещения «Надежды», а затем резиденции посольства японскими чиновниками и выездов для ведения

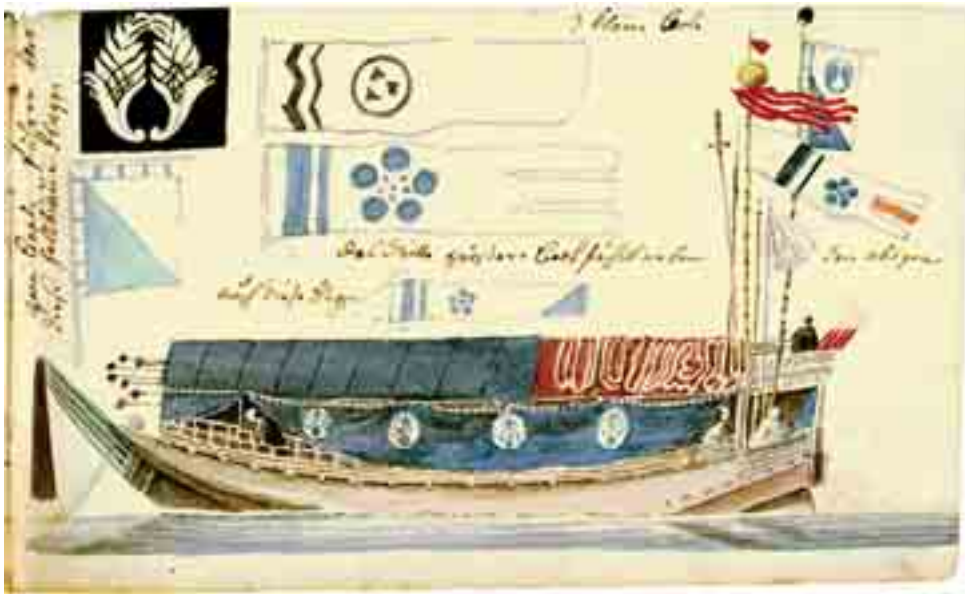

Татуированный туземец.

переговоров они внимательно наблюдали, а затем описывали и зарисовывали облик японцев различного общественного положения, бытовые сценки, дипломатический церемониал и т.д.

Гравюры, изготовленные по японским рисункам Тилезиуса, заняли в «Атласе» значительное место. Исключительную научную ценность имеют портреты («лицензображения») айнов — народа, с которым российские мореплаватели встретились на Сахалине, близ бухты Анива, и на северо-восточной оконечности о. Хоккайдо. В то время сведения об айнах практически исчерпывались крайне не-

Японское судно и японские флаги.

точными и отрывочными упоминаниями о них в трудах Крашенинникова, Лаперуза и некоторых других исследователей. Сделанные с натуры зарисовки Тилезиуса до сих пор не потеряли своего научного значения.

Гравюры этнографической тематики не только превращали замечательные описания путешественников в живые картины, но и являлись превосходным самостоятельным историко-этнографическим источником. Необходимо, однако, отметить, что при сравнении оригинальных рисунков Тилезиуса и выполненных позднее на их основе гравюр видно, что в последних гораздо сильнее проявляются черты неоклассицизма и «литературности». Речь в первую очередь идет об изображении

островитян Нука-Хивы. В ряде случаев Тилезиус сам перерабатывал для «Атласа» сделанный наспех с натуры набросок, отдавая известную дань моде, вкусам публики, да и существовавшим тогда нормам приличия.

Разумеется, Крузенштерн понимал, что особую ценность «Атласу» придало бы «объяснение каждого из листов иллюстраций», особенно если бы этот труд взял на себя сам их автор. Но это намерение так и не осуществилось. На момент выхода в свет «Атласа» труды Тилезиуса по результатам экспедиции еще не были переведены на русский язык. Полностью они так и не были изданы по-русски. Перевод ряда статей был опубликован лишь в «Технологическом журнале» и в

Вид острова Папенберга и Крысьи острова.

Японский чиновник.

«Трудах Академии Наук». Основное, итоговое, сочинение Тилезиуса "Naturhistorische Frucht der Ersten Kaiserlich-Russischen unter dem Kommando des Herrn von Krusenstern..." вышло в 1813 г. в Санкт-Петербурге на немецком языке. Книга была проиллюстриро-

Жители г. Нагасаки.

вана рядом гравюр, подготовленных П.И. Масловским по рисункам Тилезиуса и «под смотрением» И.-С. Клаубера.

В 1806 г. Клаубер и его ученики на правах артели получили заказ на гравирование «Атласа». Финансирование этого дорогостоящего издания было осуществлено из средств Кабинета императора Александра I. Работа продолжалась несколько лет и обошлась Кабинету в 15 тыс. руб., но результат вполне оправдал затраченные усилия и средства. Монументальный «Атлас к Путешествию вокруг света капитана Крузенштерна», изданный в Санкт-Петербурге в 1813 г. и содержащий 118 листов иллюстраций, сделанных по большей части по рисункам Тилезиуса, безусловно, принадлежит к шедеврам русской полиграфии.

Число экземпляров «Атласа», хранящихся в крупнейших библиотеках страны, невелико, а те, которые описаны и изучены, имеют ряд расхождений в количестве и расположении гравюр. В коллекции Музея книги РГБ хранится один из лучших и, быть мо-

Петропавловская гавань.

жет, самый авторитетный из известных экземпляров «Атласа», подаренный Н.П. Румянцеву лично И.Ф. Крузенштерном и имеющий автограф мореплавателя.

В заключение несколько слов о том, как сложилась жизнь Вильгельма-Готлиба Тилезиуса после окончания экспедиции. В Санкт-Петербурге ученый был приглашен адъюнктом естественной истории в Академию наук, а весной 1809 г. был назначен экстраординарным академиком. Он пробыл в этом звании до осени 1817 г., когда с титулом почетного члена Академии вышел из нее и уехал на родину, в Германию. Скончался Тилезиус в 1857 г. в возрасте 88 лет.

Вильгельм-Готлиб Тилезиус

О музыке

Бахия, или Камчадальская медвежья пляска

Вскоре по прибытии нашем в Петропавловскую гавань в Камчатке, в 1804-м году, дано было о том знать через нарочную эстафету Губернатору, Генералу **Кошелеву**, и его просили приехать в оной Порт.

По прибытии его, пригласил он нас однажды ввечеру на берег в довольно освещенную палатку и в угодность нам велел показать Камчадальскую пляску, на которую созваны были все женщины сего местечка, и тут я написал вышеприложенныя ноты. Солдат, который уже десять лет здесь живет и сделался почти природным жителем, открыл бал; он считался искуснейшим плясуном и дал мне случай заметить о свойстве сих народных плясок. По моему мнению, все пляски происходят от любви, и выражаются более или менее телодвижениями, показывающими желание удовлетворить оной. Образ, каковым сия цель и намерение обнаруживаются, весьма многообразен, и все сие точно соразмерно степени образования народа, силе страстей онаго, и тому, как привычки и различныя другия побуждения переменяют понятие и вкус народов. Например: Камчадал безпрестанно видит сообщающихся медведей, птицу, и оттого изъявление плотских его побуждений принимает на себя нечто медвежье, и он в пляске своей подражает движениям сего зверя. Камчадал ревет по-медвежьи прерывающимся и как бы ворчащим голосом, только в

такту; а его медведица таковым же образом в такту ему отвечает. Подражания сообщению птиц можно заметить у легких плясунов в одних только движениях; но она при медвежьей пляске гораздо разительнее и яснее видны, причем бывает сильное топание ногами, производимое в надлежащую такту. Как плясуны, так и плясуньи начинают свое действие тихим, слабым, но довольно много выражающим киванием головы. Потом сие движение переходит в плечи, наконец в чресла, где оно уже бывает несколько сильнее и притом сопровождается стоном. У меня означены здесь выражением **ах** те места, где сии вздохательные тоны следуют, что почти и сходно с издаваемым при оном голосом.

IX
 О Мышиках
 Сопровождение Г-на Милославского
 1) Вариация или Кажеевская Медвежья пляска.
 Испроужденны, Скринки и Билалайки.

На это песнь сочинены Вариации Г. Кузнецова
 в С. Петербурге.

Песнь людоеда

Острова Св. Христины, называемые наречием островитян Таугуата Мантанио, суть ближайшия к островам Вашингтона, и в хорошую погоду видны с высоких гор Нукагивы. Жители Св. Христины воюют иногда с жителями сего острова, и сия песнь есть, конечно, военная. Ее можно назвать драматическою, и, по моему мнению, она содержит в себе следующее представление. Народ возвращается с битвы ночью. Один из жителей видит издали на неприятельском острове возникающий огонек и вопрошает: «Где этот огонек?» Хор отвечает: «У наших неприятелей! Видно, жарят наших пленников и побиенных!» Сие побуждает и их убивать своих пленников. Приказывают достать огня для жарения убитого неприятеля, назначенного к торжествованию победы. Разводят огонь, радуются, что оный разгорелся, и могут удовлетворить своему мщению. Воспоминают о храбрости неприятеля, о его пленении, о предпринятом им бегстве* и о его убиении; но притом показывают и сострадание, помышляя о его жене, детях и родителях, плачущих о нем в сие время. Наконец, исчисляють дни, от единицы до десяти, сколь могут долго отправлять победоносное торжество сими трупами убиенных.

Из сего изъяснения видно, что песнь сия содержит в себе много характернаго и ясно излагает начальныя основания понятий сих народов. При таковых пиршествах бывает и пляска. Толпа молодых мужчин, от 200 до 600, бьют ладонью по впадине между груди и другой согнутой руки, и сим образом издают сильный звук, похожий на колокольный

* Бегство изображено словом *Ти-ма-а*, что значит «летающая рыба» (*exocoetus volitans l.*), которая, как известно, подымается из волн великими стадами, для избежания своего неприятеля бонита (*Samber clamys, g.*), который, однакож выскакивает за оною более нежели на аршин из воды и часто ловит ее, так сказать, на лету. Из сего видно, что иносказание сие весьма хорошо и действительно может служить доказательством, что сии совершенно грубые люди имеют некоторое понятие о языке, исполненном картин и стихотворных красот. (От сочинителя.).

Я заметил, что все песни Русских матросов выходят из **бемолей** и склоняются к **кварте**, так как здесь к **терции**. Но она имеет иногда переход и в **дур**, однако не более как чрез две или три такты опять возвращаются к **бемолю**. А как сии Русския песни имеют разные напевы (гармонию) и даже скорой перебор, вообще же показывают более музыкального духа и сведения, то **бемольный** голос оных и не делает печального и унылаго впечатления. А в песнях Людоедов сие-то и находится в высочайшей степени, особливо же когда они сопровождаются звуками барабанов и биением в ладоши, и слушаешь она издали. Есть также в них что-то ужасное, могущее довести дух до отчаяния. Кажется, что слышишь свое надгробное пение, причем сии сильные глухо-звучные удары, продолжающиеся целыми тактами, выражают наипечальнейший звон колокола при погребениях. Целую ночь, которую сии, по-видимому, добросердечные люди во угождение мне пропели, провел я в неопisanном мучении, единственно для того, чтобы узнать нечто о состоянии их музыки. Но сии дикие бывают при всем том весьма веселы, и забавляются пляскою, состоящею в грубых, неловких и неправильных прыжках, причем они разпростертыми руками делают попеременно довольно скорыя и медленные движения.

Я срисовал сих островитян (смотри Атлас, рисунок под № 8, 10 и 15). Они рослы, стройны и очень добросердечны, хотя и пожирают с жадностью своих неприятелей. Голова у них вся обрита, исключая виски. Сии два клочка волос связываются снопиками. Цветом они немного темнее Европейцев. На всю кожу наводят они пятна (тутавуют) разными правильными изображениями, похожими на Арабския и Этрусския фигуры. Таковыя же изображения видны и на их лодках, ходулях, дубинах и надгробных. Цвет пятен голубоват. Кажется, я довольно точно изобразил народную физиогномию и их приемы. Таким образом сидели сии дикие и зевали на нас, когда мы в первый раз к ним прибыли. Ходят они совершенно нагие, и сии наведенные на кожу знаки служат им как бы одеждою. Они удивительным образом ловки во всяких телесных движениях, как то: в бегании, бросании из праща, носке тяжестей и во всяких телесных испытаниях силы. Целые дни проводят они на море и плавают без наималейшей усталости.

В публикации использованы рисунки из путевых альбомов В.-Г. Тилезиуса и гравюры, изготовленные по его рисункам, из «Атласа к Путешествию Крузенштерна».

Редакция благодарит заведующего научно-исследовательским отделом рукописей РГБ В.Ф. Молчанова за помощь в подготовке статьи.

Тилезиус В.-Г. Два альбома естествоиспытателя и врача Тилезиуса фон Тиленау с зарисовками с натуры, сделанными во время первого кругосветного путешествия. Отдел рукописей РГБ, Музейное собрание, фонд 178, № 106935 (1-2).

Тилезиус В.-Г. Naturhistorische Fruchte der Ersten Kaiserlich-Russischen unter dem Kommando des Herrn von Krusenstern. – СПб., 1813. – № 23/32.

Тилезиус В.-Г. Известие о естественном и политическом состоянии острова Нукаиву, никем еще не описанного, на котором путешественники около света еще не были, из числа тех островов Южного моря, которые адмирал Менданна, в честь маркизу Мендозе, назвал Маркезскими. / Сообщ. адъюнктом Академии Тилезусом // Технологический журнал, 1806. – Т. 3, ч. 4. – Л-141.

Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах. – Ч. 1-3. – СПб., 1812-1813.

Атлас к Путешествию вокруг света капитана Крузенштерна. – СПб., 1813. – // XIX / 2-К.

Резанов Н.П. Первое путешествие россиян около света, описанное Н. Резановым, чрезвычайным посланником ко двору японскому, и проч. // Отечественные записки. – 1822. – Ч. 10, № 25; Ч. 12, № 31. Л-252.